

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ ➤ ЖИВОТРЕПЕЩУЩЕ

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИЗОШЛО

С ГЕРОЕМ ФИЛЬМА ШОНА ПЕННА

18+

СМЕРТЬ В ДИКИХ УСЛОВИЯХ

КАРИН
МАККЭНДЛЕСС

РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
О ЖИЗНИ
И ТРАГИЧЕСКОЙ
СМЕРТИ КРИСА
МАККЭНДЛЕССА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ДЖОНА КРАКАУЗРА —
АВТОРА КНИГИ
«В ДИКИХ
УСЛОВИЯХ»

Карин МакКэндлесс
Смерть в диких условиях.
Реальная история о жизни
и трагической смерти
Криса МакКэндлесса
Серия «Книги, о которых говорят»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74597106

Карин Маккэндлесс. Смерть в диких условиях: реальная история о жизни и трагической смерти Криса Маккэндлесса: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-191943-6

Аннотация

В апреле 1992 года американский путешественник Крис МакКэндлесс, взявший себе псевдоним Алекс Супербродяга, уехал на необитаемую часть Аляски, где пытался выжить в одиночестве и с ограниченным количеством еды и снаряжения. Он жил в заброшенном автобусе в национальном парке Денали, но умер через 4 месяца – 18 августа 1992 года, от истощения.

История Криса стала предметом множества разногласий и обрела широкую популярность благодаря книге Джона Кракауэра «В диких условиях» и одноименному фильму Шона Пенна. Но

только один человек знал секреты, которые заставили Криса предпринять такие безрассудные шаги. Многие не понимали, почему он ушел из семьи или почему не взял компас с картой, отправляясь в такие дикие места. Никто не подозревал, что предшествовало такому опрометчивому действию.

Спустя 22 года, в 2014 году, его сестра Карин МакКэндлесс нашла в себе силы рассказать всю правду о своем брате, среде, в которой они росли, и нездоровых отношениях в семье, которые оставили множество душевных ран.

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Предисловие Джона Кракауэра	8
Пролог	15
Часть 1	35
Глава 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Карин Маккэндлесс

Смерть в диких условиях

Реальная история о жизни и трагической смерти Криса Маккэндлесса

Carine McCandless

The Wild Truth

© Copyright 2014 by Carine McCandless

Published by arrangement with HarperOne, imprint of
HarperCollins Publishers.

© Copyright 2014 by Carine McCandless

© Антонова В.С., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Один из движущих мотивов книги заключается в том, что знаменитый и смертельный путь [Криса Маккэндлесса] в поисках приключений и открытий был в значительной мере продиктован желанием убежать от родителей. Эта тема знакома всем, кто видел экранизацию книги «В диких условиях» Шона Пенна, вышедшую в 2007 году. Однако книга Карин раскрывает причины действий Криса гораздо

подробнее и убедительнее.

– *Outsideonline.com*

Трогательная сага, полная откровений.

– *Boston Globe*

«Смерть в диких условиях» – трогательная повесть о домашнем насилии, горе и выживании, а содержащиеся в ней точки зрения и откровения служат важным дополнением к истории, описанной в книге «В диких условиях».

– *Newsweek*

Невероятно честно и увлекательно. Все-таки это история Карин. Она честно делится успехами и неудачами в работе и отношениях, приходя к осознанию того, что пыталась найти во взрослой жизни то, чего ей не хватало в детстве: достоинство, силу и безусловную любовь.

– *Publishers Weekly*

«Смерть в диких условиях» – важная книга: она раскрывает историю, которая затронула тысячи читателей, а также поднимает тему ужасов домашнего насилия, скрытого за маской благосостояния и благопристойности.

– *NPR.org*

Мощная книга, которая подтвердит подозрения и предположения одних поклонников книги «В диких условиях» и пошатнет убеждения других. Для

меня чтение этой книги напоминало поиск важного недостающего слова в середине кроссворда: как только эти буквы встали на место, ответы на пробелы вокруг них тоже выстроились воедино.

– *Ева Холланд, Vela Magazine*

Посвящается Крису

Предисловие Джона Кракауэра

Я оторвала себя от безопасного уюта жизни в состоянии определенности ради любви к истине – и истина вознаградила меня.

14 сентября 1992 года мне позвонил Марк Брайант, редактор журнала Outside. Его голос звучал необычайно оживленно. Минувя светские беседы, он рассказал, что только что прочитал в «Нью-Йорк таймс» и о чем не мог перестать думать.

СМЕРТЬ В ДИКОЙ ПРИРОДЕ: ТУРИСТ ЗАПИСАЛ ПЕРЕЖИТЫЙ УЖАС

В прошлое воскресенье молодой турист был найден мертвым в отдаленном лагере на Аляске. Он застрял там из-за травмы. Никому еще не удалось точно установить его личность. Однако в его дневнике и двух заметках, найденных в лагере, рассказывается мучительная история о его отчаянных и все более тщетных попытках выжить.

В дневнике говорится, что мужчина, предположительно американец в возрасте 20–30 лет, возможно получил травму при падении, после чего застрял в лагере более чем на три месяца. Он описывает,

как пытается спастись, охотясь на дичь и поедая дикие растения, но при этом становится слабее.

В одной из двух записок он просит о помощи, адресуя ее любому, кто может наткнуться на лагерь, пока турист обыскивает окрестности в поисках еды. Во второй он прощается с миром.

Вскрытие, проведенное на этой неделе в офисе коронера¹ штата в Фэрбанксе, показало, что мужчина умер от голода, вероятно, в конце июля. Власти обнаружили среди его вещей имя, которое, по их мнению, может принадлежать ему. Но они до сих пор не смогли подтвердить его личность, и пока этого не произойдет, они отказываются раскрывать имя.

Несмотря на то что статья вызвала больше вопросов, чем дала ответов, интерес Брайанта вызвала горстка загадочных деталей. Он поинтересовался, не захочу ли я расследовать трагедию, написать об этом обстоятельную статью для журнала Outside и желательно быстро. Я уже отставал от графика по другим проектам и начинал нервничать. Брать на себя еще одну сложную задачу со сжатыми сроками – так я бы только удвоил свои проблемы. Но эта история нашла отклик на глубоко личном уровне. Я согласился приостановить работу по другим проектам и заняться этим.

Погибшим туристом оказался двадцатичетырехлетний

¹ В некоторых странах должностное лицо, расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и определяющее причину смерти.

Кристофер Маккэндлесс, который вырос в пригороде Вашингтона и с отличием окончил Университет Эмори. Вскоре стало очевидно, что одиночная прогулка по диким маршрутам Аляски с минимальным запасом еды и снаряжения была весьма обдуманном поступком — кульминацией серьезного квеста, который Крис планировал в течение долгого времени. Он хотел испытать свои внутренние ресурсы чем-то значимым, без подстраховки, чтобы улучшить понимание таких важных вопросов, как аутентичность, цель и собственное место в этом мире.

Стремясь получить любую информацию о личности Криса, которую были готовы предоставить его родные, в октябре 1992 года я отправил письмо Деннису Бернетту, адвокату Маккэндлессов, в котором объяснил:

Когда мне было 23 года (сейчас мне 38), я тоже отправился в дикую природу Аляски в одиночестве с расчетом на длительное путешествие. Это озадачило и напугало многих моих друзей и родных (наверное, я искал настоящий вызов, своего рода внутренний покой и ответы на важные вопросы). Поэтому мне очень близка история Криса. Кажется, я догадываюсь, почему он считал своей обязанностью испытать себя в таком диком и неумолимом уголке страны. Если кто-нибудь из семьи Маккэндлесс захочет поболтать со мной, я был бы чрезвычайно благодарен.

В результате родители Криса, Уолт и Билли Маккэндлесс, пригласили меня в гости в Чесапик-Бич, штат Мэриленд. Ко-

гда я появился на пороге их дома несколько дней спустя, меня потрясло, насколько сильно они горевали, но они любезно ответили на все мои многочисленные вопросы.

В последний раз Уолт и Билли видели Криса или разговаривали с ним 12 мая 1990 года, когда они поехали в Атланту на его выпускной из Эмори. После церемонии он упомянул, что, вероятно, проведет все лето в путешествиях, а затем поступит в юридический вуз. Пять недель спустя он отправил родителям по почте копию документа с итоговыми оценками, сопроводив их запиской с благодарностью за подарки на выпускной. «Больше ничего особенного не происходит, но здесь постепенно становится по-настоящему жарко и влажно, – написал он в конце послания. – Передавайте всем привет от меня». Это были последние слова, которые от него слышали в семье Маккэндлесс.

Уолт и Билли отчаянно пытались узнать все, что можно, о действиях Криса с того момента, как он исчез, до тех пор, когда его истощенное тело обнаружили на Аляске двадцать семь месяцев спустя. Где он путешествовал и кого встречал? О чем он думал? Что он чувствовал? В надежде, что я смогу найти ответы на подобные вопросы, они позволили мне изучить документы и фотографии, восстановленные после его смерти. Еще они попросили меня разыскать всех, кого он встречал, кого я только смогу найти по этим материалам, и взять интервью у важных для Криса людей – особенно у его двадцатидвухлетней сестры Карин, с которой у него бы-

ла необычайно близкая связь.

Когда я позвонил Карин, она была настроена недоверчиво, но проговорила со мной около двадцати минут и сообщила важную информацию для статьи о Крисе в количестве 8400 слов под названием «Смерть невиновного». Ее опубликовали на обложке январского номера журнала Outside в 1993 году. Несмотря на хороший прием со стороны читателей, у меня осталось чувство неудовлетворенности. Чтобы уложиться в срок, мне пришлось отправить ее в редакцию раньше, чем удалось изучить несколько заманчивых зацепок. Важные аспекты тайны остались неясны, включая причину смерти Криса и то, почему он так старательно избегал контактов с семьей после отъезда из Атланты летом 1990 года. В течение следующего года я занимался дальнейшими исследованиями и заполнял пробелы, чтобы написать книгу, которая была опубликована в 1996 году под названием «В диких условиях»².

К моменту начала моих исследований для меня стало очевидно, что Карин понимала Криса лучше, чем кто-либо другой, – возможно даже лучше, чем Крис понимал самого себя. Поэтому я позвонил ей снова и спросил, не хочет ли она рассказать мне больше подробностей. Стараясь защитить пропавшего брата, она была настроена скептически, но согласилась, чтобы я приехал к ней домой недалеко от Вирджинии-Бич и взял у нее интервью. После начала нашего раз-

² Кракауэр Дж. В диких условиях. – М.: Эксмо, 2014.

говора Карин поняла, что хочет мне рассказать достаточно многое, и отведенные два часа растянулись до следующего дня. В какой-то момент она поняла, что может мне доверять, и попросила прочитать несколько крайне откровенных писем, которые Крис написал ей. Она никогда и никому их не показывала, даже мужу и самым близким друзьям. Когда я начал читать, меня наполнили одновременно грусть и восхищение Крисом и Карин. Письма порой вызывали мучительные чувства, но они не оставляли сомнений в том, что заставило его разорвать все связи с семьей. Когда я наконец сел в самолет до Сиэтла, у меня кружилась голова.

Карин попросила меня не включать в книгу ничего из тех писем, которые она собиралась мне показать. Я пообещал выполнить ее пожелание. Нередко источники просят журналистов считать определенную информацию конфиденциальной или «не для протокола», и я уже несколько раз соглашался на такие просьбы. В этом случае мое обещание подкреплялось тем фактом, что я разделял желание Карин не причинять излишней боли Уолту, Билли, а также братьям и сестрам Карин от первого брака Уолта. Более того, я подумал, что смогу передать то, что узнал из писем, косвенно, между строк, не нарушая доверия Карин. Я был уверен, что смогу дать достаточно косвенных подсказок, чтобы читатели поняли, что в немалой степени поведение Криса, кажущееся необъяснимым, в последние годы его жизни на самом деле объясняется нестабильностью в семье Маккэндлесс в период

его взросления.

Как оказалось, многие читатели действительно все понимали. Многие, но не все. Многие люди после прочтения «В диких условиях» так и не поняли, почему Крис поступил именно так. Не имея четких фактов, они пришли к выводу, что он был обычным эгоистом, непростительно жестоким по отношению к своим родителям, психически больным, склонным к самоуничтожению.

Подобные ошибочные предположения беспокоили Карин. Спустя два десятилетия после смерти брата она решила, что пришло время рассказать всю историю Криса просто и прямо, не скрывая никаких душераздирающих подробностей. Она с большим запозданием поняла, что даже самые ядовитые секреты можно лишить возможности причинять боль, если вывести их из тени и вынести на свет.

Так она и пришла к написанию «Смерти в диких условиях» – мужественной книги, которую вы держите сейчас в руках.

Джон Кракауэр
Апрель, 2014 год

Пролог

Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь.

Джордж Сантаяна, «Разум в здравом смысле»

Дом на Уиллет-драйв выглядит меньше, чем я запомнила. Мама содержала двор гораздо лучше этого, но навязчивый вид разросшихся сорняков и запущенных кустарников кажется более уместным. Костяшки моих пальцев снова обретают цвет, когда я отпускаю руль. Я ненавижу этот гребаный дом. Двадцать три года мне удавалось держать себя в руках, проезжая мимо этих знакомых съездов с автострад Вирджинии. Несколько раз я боролась с искушением свернуть в сторону. Мне хотелось вызвать воспоминания о временах, проведенных с братом, по которому я ужасно скучаю. Но боль – жестокий похититель детских чувств. Узнав, чем закончилась история Криса, люди думают, что им понятна история всей нашей семьи. Но ведь они даже не подозревают, с чего она начиналась.

Когда-то тщательно ухоженный, теперь фасад дома выглядит заброшенным. Непокорные заросли остролистного падуба вонзаются в фундамент, их ягоды напоминают капли крови, сочащиеся из кирпичей. Деревянный сайдинг провисает, забытый и бледный, безжизненный, если не считать плесени,

ползущей по его швам. Исчезли ухоженные клумбы. Передний двор теперь украшают случайно брошенные прохожими бумажки и бутылки. Как будто дом совсем истлел, изнашивался за долгие годы, проведенные в главной роли в изнурительной пьесе.

Спазм в животе быстро переходит в тошноту. Сгорбившись, я выбираюсь на свежий октябрьский воздух и терпеливо жду. Но облегчение не приходит.

Бетонная подъездная дорожка пустая, разбитая, вся в пятнах. Но я понимаю, что дом не заброшен. Кто-то выкатил мусорные баки на улицу, а под навесом стоит «Харлей», аккуратно прикрытый. Его можно узнать по тому колесу, что виднеется из-под тента.

Пошатываясь, я возвращаюсь к своей «Хонде Пилот» и забираюсь внутрь, собираясь удрать. Но не успеваю я вставить ключ в замок зажигания, как в зеркале заднего вида появляется большой пикап «Шевроле» и приближается к подъездной дорожке. Из него вылезает женщина и начинает выгружать из кабины какие-то вещи. Она с подозрением разглядывает мой внедорожник, припаркованный перед ее домом, и я упрекаю себя за то, что не припарковалась на противоположной стороне улицы. Сделав несколько ободряющих вдохов-выдохов и набравшись сил, я снова оказываюсь у основания длинной, покатой подъездной дорожки. Во взгляде женщины читается вопрос, какого черта я там делаю.

– Здравствуйте! Меня зовут Карин Маккэндлесс. Я вы-

росла в этом доме. — Я замечаю, как ее нахмуренные брови смягчаются в знак признания, и спрашиваю: — Вы знаете всю эту историю?

— Да. Ну, немного, — колеблется она.

Я поспешно предполагаю ее следующий ответ, пока иду вверх по склону.

— Можно мне зайти и поговорить с вами?

Она кладет сумку и пакеты на крышу грузовика и пожирает протянутую мной руку:

— Мэриан.

Мэриан высокого роста, приятной внешности, с крепким телосложением и уверенным рукопожатием. Ее длинные светлые волосы рыжеватого оттенка напоминают мне о Вайноне Джадд³, а яркая красивая блузка и повседневный черный брючный костюм — как раз то, что ожидаешь увидеть на социальном работнике, которому мало платят. Среди изящных подвесок на ее шее висит более тяжелая цепочка с характерной серебристо-черной эмблемой Harley Davidson. Выражение ее лица теплое, но в то же время настороженное.

Я продолжаю:

— Я надеюсь, вы не против, если я немного осмотрюсь?

Она жестом показывает на взъерошенный двор и отнекивается:

— Ну не знаю, что вам это даст. Он определенно выглядит не так, как в то время, когда вы здесь жили.

³ Американская кантри-певица и актриса.

Повисает долгая пауза, и становится очевидно, что Мэриан не настроена принимать гостей. В конце концов она снова заглядывает в мое исполненное надежды лицо и сдаётся: «Ну, тогда дайте мне минуту, чтобы я выпустила собаку, пока она не описала весь дом». Она улыбается и говорит: «Он уже старый мальчик, мой Чарли!»

Пока мы идем по заднему двору, жилистый шоколадный лабрадор, опустив голову, изучает меня, не сводя с меня глаз. Из его седеющей морды вырывается безобидное рычание, похожее на ворчание старика, отвлеченного от привычных дел. Пока Чарли справляет нужду во дворе, он старается либо надежно опутать меня своим длинным поводком, либо находиться между домом и мной. Мэриан не обращает внимания на щели в ветхом заборе, то и дело принося извинения, пока освобождает мои ноги. «Просто Чарли может перепрыгнуть через него».

Пытаясь сохранить равновесие, я сканирую места, где мы с Крисом искали убежище. От огромного огорода, на котором мы каждое лето собирали бобы, не осталось и следа. Астры и хризантемы больше не украшают опавшие листья. Красиво оформленные клумбы, которые мама так тщательно укладывала крупными камнями, теперь выглядят как криво-зубые оскалившиеся рты, из которых вырываются рыжие узлы обреченных кустарников и сорняков. Железнодорожные шпалы, которые планомерно укладывали для создания ступенек между многоуровневыми клумбами, едва обозначают

уклон двора.

Освободившись на время от клыкастого охранника Мэриан, я пробираюсь на более высокий уровень заднего двора. В левом углу – широкий склон, на котором мы с Крисом воображали себя археологами и где он в подростковом возрасте оттачивал свои недюжинные навыки рассказчика.

Наш район был построен посреди сложного скопления небольших холмов и долин, где столетиями ранее протекали мелкие реки, снабжавшие табачные плантации. Дома на нашей улице были построены вдоль русла обезвоженного ручья. Глядя на задние ряды соседских заборов, я все еще вижу забытый путь бегущих вод. И эти воды оставили после себя много интересного материала для будущих рассказов.

Я рассказываю Мэриан, как мы с Крисом тащили тележку, полную пластиковых лопат и ведер, а иногда и столовых ложек, взятых из ящика на кухне, и раскапывали один участок за другим, пачкаясь в грязи, стремясь найти реликвии прошлого. Мы не нашли ничего, что могло бы иметь значение для других. Но Крису казалось легендарным все, что мы раскапывали. Несколько самых крутых находок вошли в нашу секретную коллекцию. В перерывах между тем, как мы без труда находили повсеместно разбросанные устричные раковины, нас охватывал восторг, когда при раскопках нам попадались керамические черепки глазурованного белого фарфора. Подняв руки в знак победы, мы бежали к водопроводному крану и смывали с них грязь, пока не становился виден

узнаваемый узор: изображения восточных домов в мягких сине-фиолетовых тонах. Потом мы рылись в коробке из-под обуви, в которой хранились наши сокровища, пытаясь сопоставить остатки, как кусочки пазла.

Больше всего мы гордились в те дни, когда удавалось собрать целую тарелку. Потом мы сидели и наслаждались своим достижением, глядя на место раскопок, пока Крис рассказывал замысловатые истории о том, как эти тарелки там оказались. Он рассказывал о древних китайских армиях – солдатах, на которых внезапно напали во время трапезы в палатке, беззащитных перед превосходящими силами. Тогда их тарелки разлетались вдребезги и падали рядом, а спустя годы их находил фантастический археологический дуэт – сэр Флэш и его младшая сестра, принцесса Медведица Ву.

Место наших раскопок теперь завалено кучами дворового мусора. Из соседнего двора доносится приятный аромат жимолости, и я вспоминаю, как перепрыгивала через забор и пыталась высосать нежный нектар из летних цветков.

В те дни, когда инстинкты заставляли нас бежать на большие расстояния, Крис брал меня с собой на пробежку по Брэберн-драйв в Резерфорд-парк, где все еще встречались активные ручьи. Мы бежали вдоль русла, промочив кроссовки в неудачных попытках перепрыгнуть через чистый холодный ручей в более широких местах, перепрыгивали камни, пели песни Beatles и разыгрывали сцены из наших любимых телешоу. Крису блестяще удавалось придумывать развлече-

ния, и природа всегда была его первым выбором декораций. И даже когда выбранная сцена из «Звездного пути», «Бака Роджерса» или «Звездного крейсера „Галактика“» не требовала героизма, в моем воображении он всегда был моим защитником.

Пышное одеяло из английского плюща покрывает большую часть оставшегося верхнего уровня двора. Темно-зеленые листья растения когда-то скрывались за еще одним каменным бордюром, который уложили и поддерживали в чистоте как отхожее место для нашей шотландской овчарки. С ней мы любили играть часами напролет. Если Крис был капитаном наших приключений, Бак – или, как мама его официально записала в документах, лорд Бакли из Нарипы III – был его первым лейтенантом. Маленький солдат с большим характером, Бак регулярно срывал попытки нашей матери вырастить густой газон, вырывая пучки травы и кусая нас за пятки, – пастушьи инстинкты заставляли его бегать кругами вокруг нас с Крисом.

Теперь, готовая поделиться историями, Мэриан объяснила, что купила дом у моих родителей два десятилетия назад, чтобы вместе со своими маленькими сыновьями начать все сначала после того, как их дом сгорел дотла. Я не знала, что с тех пор, как мои родители продали его, прошло столько лет и что после этого дом не менял владельцев. Мэриан не стала раскрывать лишних подробностей об отце мальчиков, но из ее рассказа о том, что она работает допоздна, одна обеспе-

чивает семью и что ей трудно следить за домом, я поняла, что нести весь этот груз на себе в одиночку было трудным, но необходимым решением, которое она приняла без колебаний. Она с нежностью рассказывает о сыновьях, которые заезжают в гости, помогают по хозяйству, когда могут, и об их будущих проектах. Она светится, когда речь заходит о путешествиях. Мэриан рассказала, что она отправляется в одиночные поездки на своем «Харлее» в любой день, когда хорошая погода совпадает с редким выходным на работе. Когда в ответ я рассказываю о своих одиночных походах в Шенандоа и о своем Kawasaki EX500, ей хватает любезности не осуждать меня за то, что я езжу на спортивном мотоцикле.

Толчком и визгом Чарли сообщает Мэриан, что он закончил, и она приглашает меня зайти с ними в дом, к моему большому удивлению.

Когда я захожу на кухню Мэриан, запах прокуренного помещения переполняет меня еще до того, как закрывается задняя дверь. Из-за аллергии на дым и желания поскорее выйти я пытаюсь сдержанно покашлять, но у меня не получается.

– О! Боже мой! Может, налить вам воды? – любезно предлагает Мэриан.

Я бросаю взгляд на россыпь стекла и керамики, которая перетекает из кухонной раковины на столешницу, чистую, но хаотичную. «Нет-нет, спасибо. Я в порядке». Наверное,

состояние за пределами дома должно было подготовить меня к тому, что может ждать меня внутри. Тем не менее я польщена тем, что Мэриан пригласила меня в свой дом. У нее приятная и соблазнительная улыбка, и даже Чарли тявкает и вертится в предвкушении экскурсии по дому.

«Прошу прощения за беспорядок, – говорит она, прислоняясь к столу. – Просто я была *так* занята!» Бесчисленные кипы бумаг и почты аккуратно разложены, и это наводит меня на мысль, что для каждой стопки у нее есть своя личность. Пепельницами заставлены все горизонтальные поверхности. Почти все вокруг меня, за исключением беспорядка, выглядит так же, как и тогда, когда я стояла здесь ребенком: планировка, шкафы, столешницы и кафель, даже техника та же самая.

– Помню, как мы с подругой Дениз готовили на этой плите печенье, – вспоминаю я.

Кажется, Мэриан нравятся мои путешествия назад во времени. Я вспоминаю фотографию со своим щенком – Баксом. На ней мы растянулись на этом полу и крепко спим. Бакс, славный щенок, уютно устроился на моей желтой толстовке. У меня на голове были косички. То фото сделано в день переезда в этот дом.

Мэриан ведет меня через главный этаж двухуровневого дома. Голубые обои с цветочным рисунком, которые я помню с детства, заменены слоем бежевого с кирпичным оттенком и песочными рисунками навахо. Мы спускаемся на

два лестничных пролета в подвал, где у моих родителей был офис. Именно здесь мама проводила большую часть своего времени – часто в пижаме, пуховом жилете и тапочках, – усердно и быстро приступая к дневной работе сразу после пробуждения. Она променяла свои карьерные устремления на обещание светлого будущего, помогая отцу основать компанию User Systems Incorporated, аэрокосмическую инженерную и консалтинговую фирму, которая специализируется на разработке радаров воздушного и космического базирования. Долгие часы в этом подвале сделали их богатыми. Но не счастливыми.

Мама постоянно печатала и редактировала документы, делала копии, готовила и переплетала презентации. Еще до того как мы уходили в школу, она выпивала четвертую чашку кофе. В дополнение к офисной работе она была обязана бесконечно стирать, содержать дом в чистоте, поддерживать красоту во дворе и аккуратно подавать ужин. К тому времени, как мы с Крисом возвращались домой со спортивных тренировок и групповых репетиций, банки с яванским кофе сменяли бутылки красного вина. Так мама начинала глушить боль еще до папиного возвращения домой. В течение рабочего дня он встречался с авторитетными учеными в НАСА, заключал контракты с такими компаниями, как Jet Propulsion Laboratory, Northrop Grumman и Lockheed Martin, или читал лекции в Военно-морской академии.

Иногда, когда отец уезжал в длительную командировку, у

нас выдавалось несколько спокойных дней. Однако в большинстве случаев, как только мы слышали, что его «Кадиллак» въезжает в гараж, мы с Крисом убегали и прятались. Он выкрикивал имена и отдавал приказы, как только открывал входную дверь. Он часто отчитывал маму, говорил, что к его приезду она должна быть при полном параде: короткая юбка, восьмисантиметровые каблуки, безупречная прическа и макияж.

Мы с Крисом выполняли много работы по дому и с возрастом стали приносить еще больше пользы, но мамина нагрузка все так же была огромной и сложной. В конце концов она обуздала свои амбиции и наняла горничную на неполный рабочий день, чтобы та помогала по дому. Но после этого «босс» обвинил ее в том, что она ничего не делает и вообще теперь у нее нет причин не следить за своей внешностью.

На самом деле она играла не менее важную роль в их бизнесе. Он никогда не признавал, как много она делала для их компании, но само это осознание, вероятно, и стало причиной его постоянных издевательств над ней. «Ты ничто без меня, *женщина!* – кричал он при любом проявлении ее непокорности. – Ты даже колледж не окончила! А я чертов гений! Я отправил первый американский космический корабль на Луну! Ты за всю жизнь не сделала ничего важного!»

Если бы наша мама была готова положиться на свою находчивость, она могла бы добиться чего угодно – даже устроить переворот. Сколько бы дипломов и опыта ни было у отца,

она помогала ему достигать успеха. В очень юном возрасте я научилась распознавать самовлюбленных мудаков-шовинистов и поклялась, что никогда не буду с этим мириться. Как только стану достаточно взрослой, чтобы делать выбор.

Мама всегда выглядела красиво и собранно по вечерам, когда папа приводил домой деловых партнеров на ужин. От нас с Крисом тоже ожидали выступления на самом высоком уровне. Обычно под этим имелся в виду сольный концерт на фортепиано, скрипке или валторне, а также демонстрация наших последних академических и спортивных наград. Помню, как прямо перед одним из таких вечеров, когда мне было девять лет, я лежала у мамы под столом, корчась от боли. Казалось, будто внутри живота происходит такое движение, что кишечник вот-вот взорвется.

«Ш-ш-ш! Тихо! – шипела мама. – Я *должна* закончить дело до того, как твой отец вернется домой!» Она была полуодета, с бигуди в волосах и ужином в духовке. Когда я высказала мнение о причине моей агонии, она закричала: «Я сказала, *помолчи*, Карин! Иди к себе в комнату и ложись на живот! Скорее всего, это просто газы!» К счастью, насчет газов она была права. К несчастью, я научилась просто лежать и молчать.

Мэриан ведет меня обратно на один пролет в место, что считалось нашей семейной комнатой, где мы с Крисом демонстрировали архитектурное мастерство и строили сложные крепости. Мы разбирали свои кровати и освобождали

полки, складывали книги по углам столов, чтобы закрепить простыни в виде потолка и одеяла на стенах. Не оставалось ни одной лишней подушки. Все они шли в дело для строительства коридоров и дверей. Иногда мама с папой разрешали нам ночевать в этом жилище. Крис читал мне на ночь книги при свете походной лампы. Обычно попкорн подавали ближе ко сну, особенно если телевизор использовался в качестве внутреннего оформления крепости.

Сегодня рядом с большим диваном стоит антикварная напольная пепельница на пьедестале. Вместе с пеплом остаются следы аммиака. Ковровое покрытие было свернуто, без сомнения, из-за того, что старина Чарли слишком часто не дожидался выхода на улицу. Крепежные планки по краям плинтусов остались открытыми.

«Смотрите под ноги, – предупреждает Мэриан. – Я скоро буду менять ковролин». Она уворачивается от рядов острых гвоздей, ведя меня по коридору в спальню и небольшую ванную. «Сейчас я использую эту комнату просто как кладовку», – говорит она, открывая дверь. Я бросаю быстрый взгляд на то, что когда-то было моей спальней в течение короткого времени, в раннем подростковом возрасте.

– У вас все еще появляются пещерные кузнечики? – спрашиваю я.

– Ой, еще бы! – восклицает Мэриан, и мы обмениваемся гримасами отвращения.

Тот факт, что в нашем доме всегда было чисто и акку-

ратно, не помешал этим противным насекомым проникнуть на полузатопленный первый этаж и подвал под ним. Со- здание, которое казалось результатом демонического сою- за между пауком и обычным полевым сверчком, – эти бес- страшные существа идеально сочетались с плюшевым ко- ричневым ковровым покрытием и скорее атаковали, чем из- бегали, любую крупную движущуюся цель. Каждое утро мне приходилось охотиться и убивать по четыре-пять этих от- вратительных ублюдков, прежде чем спокойно собраться в школу.

Мы с Мэриан направляемся в просторную прачечную, ко- торая располагалась на одном из маршрутов для побега на улицу. Я в очередной раз поразилась мощи бытовой техни- ки эпохи семидесятых, когда она показала ту же стиральную машину и сушилку, которыми мама учила меня пользова- ться. Новый холодильник стоит там, где была наша морозиль- ная камера, в которой хранилось мясо для маминых ужинов и бутылки папиного джина.

Возвращаясь через холл, мы проходим мимо шкафа, че- рез который можно было добраться до узкого пространства под лестницей. *«Обычно мы с Крисом здесь прятались»*, – подумала я и, совершенно того не осознавая, произнесла вслух, пока не заметила встревоженное выражение на лице Мэриан.

Поднявшись по лестнице и вернувшись на уровень кухни, Мэриан поднимается еще на один пролет к спальням. Вне-

запно мои кожаные ботинки наливаются свинцом. Я отвожу взгляд, когда эмоции меня захлестывают, а затем плавно и текуче стекают по моей щеке.

– Почему он их так ненавидел? – осторожно спрашивает Мэриан. – Я читала книгу о вашем брате и смотрела фильм. Почему ему пришлось уйти вот так? У вас были настолько ужасные родители?

Я вздыхаю от невинности ее вопроса. Его мне задавали слишком много раз, слишком много людей. Это невежество, основанное на лжи, которую я помогала поддерживать, лжи, которую я когда-то считала необходимой. «Честно говоря, – мой голос срывается, – по сравнению с реальностью книга и фильм получились чрезвычайно добрыми».

В те дни, когда мы недостаточно быстро улавливали настроение родителей и пропускали звуки хлопающих дверей и криков, мы с Крисом были обречены принимать на себя основную тяжесть битвы родителей.

В один из дней их спор начался со шквала взаимных оскорблений, затем папа гонялся за мамой по дому и швырял ее повсюду, пока она в конце концов не приземлилась на кровать в гостевой комнате... Как оказалось, отец планировал задушить ее до смерти...

– Дети! Дети! Помогите! Посмотрите, что ваш отец делает со мной! – выкрикивала мама между вдохами.

– Дети! Идите сюда *сейчас* же! Посмотрите, что ваша мать заставляет меня делать! – таково было его жалкое оправда-

ние.

Я кричала на него, чтобы он остановился, и пыталась оттолкнуть его от нее. Крис – на три года старше и мудрее (из-за своих собственных травм) – быстро оттаскивал меня, пока я не научилась наблюдать за выяснением отношений издалека. Мы были вынуждены наблюдать, а потом ждать. Мы ждали, боясь того, что может случиться – не только с мамой, но и с нами, – если мы уйдем до того, как получим разрешение. Мы рано усвоили этот урок: если ты не успел убежать до того, как медведь тебя учуял, лучше всего просто замереть на месте. В конце концов папа отпускал маму без извинений, и она падала в дверном проеме вместе с нами.

– Простите, дети, – кричала мама, когда папа уходил, – но, когда я забеременела Крисом, я застряла в браке с вашим отцом...

Помню, как Крис отчаянно плакал, считая себя виноватым в том, что родился на этот свет, и прося прощения за то, что доставил столько проблем.

Ненависть друг к другу родителям нужно было дополнительно подкреплять, когда конфликт между ними стихал. Без всяких сомнений, после этого в памяти всплывали воспоминания о нашем с Крисом последнем чудовищном преступлении детства: о том, как мы забыли что-то сделать по дому, или о том, когда мы дразнили друг друга, ссорясь из-за печенья «Орео», – тогда нам говорили выбирать оружие для наказания. Папа и мама ждали нас внизу, прямо за сто-

ловой, у лестницы. Мы с Крисом, как обычно, проходили по коридору и заходили в папин гардероб.

Взявшись за руки, мы просматривали ассортимент его ремней, пытаюсь вспомнить, какие из них причиняют меньше всего боли, у каких пряжек нет острых краев. Если мы выбирали неправильный ремень, он тащил нас обратно и сам выбирал гораздо более подходящий вариант.

– Поторапливайтесь, черт возьми! – ревел он, расплескивая джин из стакана.

Сделав свой выбор, мы шли обратно по коридору: я тяжело дышала, а Крис пытался меня утешить: «Не волнуйся. Скоро все закончится». Отец заставлял нас встать на четвереньки вместе, бок о бок, а затем стягивал с нас штаны...

Хлесткие удары кожей были резкими и быстрыми между нашими воплями. Никогда не забуду, как вытягивала шею в поисках снисхождения и видела только выражение садистского удовольствия, зажигавшееся в глазах отца, и его ужасающую улыбку. Мама смотрела на это, как мне казалось, боясь вмешаться, но в то же время с определенным удовлетворением, как будто она была жертвой, наблюдающей за вынесением приговора. Мы получали то, что заслуживали. Мы разрушили ее жизнь тяжестью своего существования, заманив ее своим появлением в ад.

Когда папа заканчивал (кстати, продолжительность наказания варьировалась в зависимости от степени его опьянения), мы обычно возвращались в комнату Криса и прятая

лись под его кроватью-чердаком, пока нас не позовут ужинать. Пока мы ели бифштекс и картофельное пюре, разговор шел обо всем, кроме дневного конфликта: чему мы учились в школе, какие крупные контракты они недавно заключили, насколько мы умны, насколько они богаты, о будущем ремонте в доме или о предстоящих семейных каникулах. Единственным подтверждением только что произошедших событий были уклончивые истории о том, как другие дети слишком остро реагировали на такие вещи и разбалтывали о них знакомым, а потом их разлучали друг с другом и отправляли в приемные семьи.

Папе хватало хитрости, чтобы не оставлять следов на коже, которые были бы заметны посторонним. Никто из родителей, казалось, не подозревал о более глубоких эмоциональных ранах, которые они нам наносили. «Не драматизируйте вы так, – говорили нам. – Если следов не видно, то никакого насилия не было». Мы должны были быть благодарны за все те блага, что у нас были в жизни. Из новостей мы знали, что нам живется лучше, чем многим детям, и думали, что большинство семей похожи на наши. Это было нашей нормой, и мы к ней привыкли.

– Эй, с вами все в порядке? Не хотите подняться? – Мэриан возвращает меня в реальность.

– Простите. Да, спасибо, я в порядке, – отвечаю я не слишком убедительно. – Слишком много воспоминаний.

– Не сомневаюсь, – соглашается Мэриан, – но ведь бывает

полезно вернуться к некоторым вещам?

Меня трогает, что она готова сопроводить меня через весь этот катарсис, и я следую за ней навстречу.

Первая открытая ею дверь ведет в мою комнату. Я показываю, где у меня стояли кровать и туалетный столик – с коллекцией мягких игрушек в детстве, с коллекцией косметики и средств для волос в подростковом возрасте. За следующей дверью была комната Криса.

– Может быть, вас оставить на несколько минут наедине с собой? – заботливо предлагает Мэриан.

– Нет, все хорошо, спасибо.

Я прекрасно знаю, что совершенно не смогла бы сдерживать эмоции, если бы осталась одна в этом пространстве.

Я показываю Мэриан, где у Криса были койка и игровой стол, заставленный сотнями армейских фигурок. Миниатюры из зеленого пластика, казалось, оживали, когда он описывал мне сражения, и я убедила себя, что он блестящий стратег. В итоге место искусственной зоны боевых действий заняли полноразмерный матрас и рабочий стол.

Я втайне испытываю облегчение, когда Мэриан решает не показывать мне гостевую комнату. «У меня там вся глажка – сплошной беспорядок!» Она смеется. С главной спальней то же самое – не было никаких причин переносить экскурсию в личное пространство Мэриан. Единственным приятным воспоминанием, которое у меня осталось об этой комнате, был один легендарный день, когда наш кот, получив

пинок от отца, забрался в его шкаф и методично помочился во все его ботинки. В тот день мы с Крисом прониклись большим уважением к коту породы русский голубой, которого мы называли Пагом.

Мэриан провожает меня обратно на передний двор, мы обмениваемся номерами мобильных телефонов и адресами электронной почты. Я обнимаю ее и благодарю за то, что она дала мне шанс вновь посетить это место, вспомнить хорошее и плохое.

Прежде чем отъехать от обочины, я представляю, как Крис бежит ко мне по улице, Бак наступает ему на пятки, а я с секундомером в руках подбадриваю его, чтобы он побил свой последний личный рекорд в беге. При последнем взгляде на двор вспоминается, как мы строили снежные крепости, хранили замороженные боеприпасы в скрытых бункерах, готовясь к внезапному нападению других соседских хулиганов, которые в этот день прогуливали школу.

Место, которое поначалу показалось мне заброшенным, теперь выглядит как очень расслабленный дом. Измученный тем фарсом, который разыгрывался на протяжении большей части двух десятилетий, он больше не обязан поддерживать какие-либо впечатления, не обязан скрывать какие-либо грехи. Он такой, какой есть. Возможно, он выглядит не так красиво, зато теперь живет в мире, и я ловлю себя на том, что завидую. Я наблюдаю, как дом становится все меньше и меньше в зеркале заднего вида, пока наконец не исчезает.

Часть 1

Достоинство

...Я хочу подойти к ним и сказать: «Остановитесь, не делайте этого – она не та женщина, он не тот мужчина! Вы сделаете то, что и представить себе не можете, вы будете мучать детей, вы будете страдать так, как вы себе не могли представить, настолько, что захотите умереть». Я хочу подойти к ним там, в лучах позднего майского солнца, и сказать это... но я этого не делаю. Я хочу жить. Я беру их, как бумажных кукол мужского и женского пола, и ударяю ими друг о друга в районе бедер, как осколками кремня, как будто высекаю из них искры, и говорю: «Делайте то, что собираетесь, и я расскажу об этом».

**Шэрон Олдс, «Я возвращаюсь в май 1937 года»,
«Золотая клетка»**

Глава 1

Комната родителей была довольно большой для дома среднего класса эпохи шестидесятых в Аннандейле, штат Вирджиния. Он был просто, но элегантно оформлен в сине-белых тонах. Светлый ковролин выглядел плюшевым и теплым, но на ощупь был колючим из-за «скотчгарда», который защищал его от пятен. Квадратные края прочной мебели из тикового дерева были бесшовными и гладкими. Вскоре после моего седьмого дня рождения, всего за несколько дней до поступления во второй класс, я сидела на белой кровати, скрестив ноги вокруг плюшевой игрушки, выбранной в любимцы в тот день, и пыталась заплести волосы длиной до плеч, пока мама складывала белье. Как это часто бывало, я погрузилась в раздумья, любуясь картиной на мамином комоде. Это изображение показалось мне особенным не только потому, что в нашем доме было очень мало фотографий, но и потому, что оно выглядело как что-то из сказки. На портрете в розовых тонах сияла моя мать с прекрасной улыбкой на безупречном лице, с пышным начесом, в платье и жемчугах, напоминая сказку о Золушке. Рядом с ней стоял прекрасный принц. Его добрые глаза радушно встречали зрителя, укрывая за своими широкими плечами.

– Кто это, мам? – спросила я.

Она подняла глаза от стопки одежды, и я не могла понять,

чем вызвано ее озадаченное выражение лица: тем, что я наплела из волос, или морем носков, которые она пыталась сопоставить. «Что?»

– Тот мужчина на фотографии, – я указала пальцем. – Кто это?

Она опустила руки по швам, наклонила голову и дала мне ответ, которого я не ожидала услышать: «О Карин, не говори глупостей. Это твой отец!»

Хотя та мама, которую я знала, редко улыбалась и носила другую прическу, на фотографии явно была она. А вот отца было совершенно невозможно узнать. Я смотрела на незнакомца, который явно любил мою мать. Я представила, как его руки мирно покоятся на ее талии. Его голова слегка наклонена к ней, как будто она вот-вот повернется и скажет что-то важное.

Более десяти лет спустя Крис расскажет мне, какая история на самом деле стоит за этой загадочной фотографией. Благодаря Крису, другим членам семьи и собственным воспоминаниям со временем я собрала воедино всю историю.

В начале 1960-х, еще до моего рождения, мама была красивой молодой студенткой– танцовщицей. Совсем недавно она окончила среднюю школу и покинула маленький городок Айрон-Маунтин, штат Мичиган, ради жизни мечты в достатке и престиже, которая, как она верила, ждала ее в солнечном Лос-Анджелесе. Ее звали Вильгельмина Джонсон. Друзья звали ее Билли.

Моя мать была третьей из шести детей, родившихся в трудолюбивой, но малообеспеченной семье. Братья и сестры делили одну спальню в крошечном домике, который построил их отец в обширном сосновом лесу. Я помню, что дедушка Лорен был опытным туристом со слишком худым на первый взгляд телом, кожей, которая казалась слишком толстой, и сигаретой, постоянно тлеющей в правой руке. У него были великолепные волосы – пышные темно-каштановые волны с серебряными прядями, ниспадающими прямо назад, исчезая за ушами. У него был нежный и добрый голос, когда он говорил со мной, с братом или с дикой природой вокруг своего дома, и становился резким, когда критиковал мою бабушку Вилли – за избыточный вес, за накопившийся беспорядок или за лень. Бабушка – вдумчивая женщина, у которой всегда были заняты руки: то она вязала крючком, то мастерила поделки для следующего церковного базара или подарки для своих многочисленных внуков, – рывкала в ответ ровно настолько, чтобы дать ему понять, что она его услышала и решила проигнорировать.

Помню, как часто мама рассказывала о своем трудном детстве. Что у них было очень мало денег, как ей приходилось выносить всю тяжесть бабушкиной агрессии, которая направляла ее против ненастоящего нападавшего. Но еще она рассказывала, как находила утешение на лесистых тропах, куда она водила туристов верхом на лошадях в рамках семейного бизнеса, и об утешении, которое ей приносили

мирные снегопады долгой зимы.

В восемнадцать лет Билли была яркой и энергичной, но в то же время наивной. Она думала, что уроки танцев, которые она брала в Айрон-Маунтин, помогут ей построить карьеру, но после нескольких безуспешных попыток развить свой талант в бурлящей столице развлечений Калифорнии однажды она вместе с соседками по комнате подала заявление на должность стюардессы. Хотя ее хрупкая фигура и соответствовала строгим требованиям авиационной индустрии той эпохи, ее рост не соответствовал ее авантюрному духу. Не боясь тяжелой работы и преисполненная решимости добиться независимости, она разработала запасной план, используя превосходные навыки набора текста, и получила работу секретаря в Hughes Aircraft. Там она познакомилась со своим новым боссом, Уолтом Маккэндлессом.

Уолт был уважаемым лидером в своем подразделении и быстро поднимался по служебной лестнице. В течение десятилетия после того, как советские ученые запустили спутник, космическая программа США получала хорошее финансирование, а операция Хьюза в Калифорнии приобретала огромные масштабы – она стала эпицентром усилий по доказательству американского господства в космосе. Уолт отлично справлялся со своим высоким положением. Он обладал хорошим образованием и был трудолюбивым работником и талантливым джазовым пианистом с голосом, от которого дамы на светских мероприятиях в нерабочее время па-

дали в обморок. К тому же он был женат. У него было трое детей, а еще один был на подходе. Билли привлек его успех. Уолт это заметил.

Я могу представить своего отца таким, каким, должно быть, видела его моя мать. Входя в комнату, он подчинял себе всех присутствующих, его притягательные карие глаза заставляли их отвести взгляд. Но когда он смеялся, у него слезились глаза, из-за чего он выглядел гораздо менее властным. Он делился знаниями о книгах, мировой истории, музыке, путешествиях и науке. Он знал, как приготовить идеальный омлет и как сделать так, чтобы его ровный певучий голос был слышен всей пастве. Его вспыльчивый характер приковывал внимание. За ним следили, как за извергающимся вулканом, поражаясь его интенсивности, торопясь убрать с его пути. Людям хотелось сделать все, что в их силах, чтобы угодить ему, они заставляли себя работать все усерднее и усерднее, чтобы он кивнул в знак того, что он впечатлен.

И я могу представить маму такой, какой, должно быть, видел ее мой отец. В нее было легко влюбиться. Она была талантливой домохозяйкой, которая могла воскресить выброшенный на улицу обеденный стол и подать вкусную и полезную запеканку, приготовленную из остатков еды за неделю. Когда она каталась на коньках, ее танцевальный опыт был виден в каждом элегантном движении запястья или плавном повороте на льду. Когда родители танцевали вместе, движе-

ния отца тоже становились грациозными, настолько хорошо она его вела. Она была утонченной, решительной и неизменно преданной – хотя и не тому человеку.

Хотелось бы думать, что им лучше знать. Хотелось бы думать, что они пытались остановить себя. Будучи на восемь лет старше и хорошо зная о своем влиянии, Уолт немедленно воспользовался этим преимуществом. Билли – достаточно взрослая, чтобы понимать, насколько это неправильно, но достаточно юная, чтобы позволить желанию взять верх над совестью, – охотно продолжила роман. Уолт убедил ее, что собирается уйти от жены Марсии, как только придет время. Проблема, сказал он Билли, заключалась в том, что Марсия отказалась дать ему развод. Он настолько далеко зашел, что некоторое время снимал отдельную квартиру, чтобы убедить Билли, что он пытается освободиться от брака. Но, по правде говоря, Уолт не собирался разводиться с Марсией – или позволить Марсии развестись с ним.

История Уолта и Марсии была долгой, к тому же эта женщина сильно отличалась от Билли. Марсия была тихой по натуре и склонной избегать конфликтов. Она была из маленькой семьи с волевыми, но в то же время преданными, любящими родителями. Она была на несколько месяцев старше Уолта и росла вместе с ним в маленьком городке Грили, штат Колорадо, примерно в восьмидесяти километрах от Денвера. Они начали встречаться, когда Марсии было всего семнадцать. Несмотря на то что Уолт проявлял признаки агрес-

сии до и во время свадьбы, Марсия рассказала, что он ни разу не причинил ей вреда, пока они не поженились.

Марсия была воспитана на ценностях своего сообщества, основанного как своего рода утопия, место, где все, кто дышал местным воздухом, избегали алкоголя, вместе молились и создавали крепкие семьи. У нее были все основания полагать, что ее возлюбленный с детства хотел того же, что и она, поэтому, когда отец спросил ее в день свадьбы, действительно ли она хочет этого, она ответила «да».

Однако к тому времени, когда Уолт и Билли начали свои отношения, Марсия уже устала от его неосмотрительных поступков. Однажды, когда она забирала из химчистки вещи Уолта, которые сдавал он сам, то обнаружила в одном из карманов его пиджака удостоверение личности Билли. Когда она озвучила свои подозрения, по ее воспоминаниям, они были встречены мерзкой смесью оскорблений, угроз и насилия – все это Марсия и трое ее маленьких детей, Сэм, Стейси и Шона, могли легко предвидеть. Только что родилась еще одна дочь, Шелли. Семейная жизнь, которую представляла себе Марсия, превратилась в далекую мечту.

Роман продолжился и в следующем году, когда Уолт с присущим ему высокомерием стал выставлять напоказ свои отношения с Билли, не утруждая себя их отрицанием и даже подстраивая моменты, когда Марсия видела это воочию. Однажды, когда Марсия и Уолт ужинали вместе, Билли зашла в ресторан с несколькими своими друзьями. Она была

на восемь лет моложе Марсии, которая узнала Билли по удостоверению личности в куртке Уолта. «Привет, Уолт», – застенчиво сказала Билли, улыбаясь прямо Марсии, когда та проходила мимо.

Вскоре после этого инцидента она впервые сказала Уолту, что собирается уйти от него, и пыталась добиться развода в течение следующих нескольких лет. Но Уолт обладал властным характером, когда дело касалось женщин, присутствующих в его жизни, и ему необходимо было вызвать у них чувство, будто они попали в ловушку и остаются под его контролем. Когда Марсия демонстрировала свою решимость довести дело до развода, он все чаще прибегал к физическому насилию. Марсия родила еще одного сына, Шеннона, всего за три месяца до того, как Билли родила моего брата Криса в феврале 1968 года.

В отчаянной попытке защитить свою репутацию Билли заказала портретную съемку для себя и Уолта и отправила фотографию в газету «Айрон-Маунтин» в качестве послесвадебного объявления. Они казались идеальной парой, а Билли – воплощением успеха, ярким примером того, что возможно в жизни за пределами ограничений ее маленького родного городка в Мичигане. Она зашла настолько далеко, что отправила своей семье фотографии, на которых они с Уолтом вместе путешествовали, утверждая, что это был их медовый месяц. Конечно, брак мог существовать только в ее воображении, но она лгала себе достаточно долго, чтобы ложь окру-

жающим не стала ее второй натурой. Она училась у мастера. Уолт приобрел дом для второй семьи с Билли, маленькое бунгало в пляжном стиле на Уолнат-авеню, и распределял свое время между двумя жилищами. Марсия тихо пыталась найти средства для завершения развода, а Уолт тем временем продолжал свое деспотичное правление над ее жизнью и ее детьми. Шона вспоминает, как он испугал ее во время одного такого инцидента, когда Шеннону был всего год. Тирада, которую отец обрушил на ее маму, привела к тому, что Марсия снова осталась одна, ухаживала за встревоженными детьми и получила новую травму. Будущий визит к врачу подтвердил, что Уолт сломал Марсии позвонок.

Я родилась через три года после Криса, в июле 1971 года. Напряжение в жизни Билли начало спадать, и постепенно обещания Уолта стали казаться не такими эфемерными. Он проводил больше времени с нами и уделял больше внимания Билли. Кроме того, она была более занята, чем раньше, потому что теперь ухаживала за двумя маленькими детьми, Уолтом и начала заниматься продажей косметики Jafrа.

Отец продолжал все рассказывать Марсии о моей маме. Марсия говорит, что, когда он оставлял ее на две недели из каждого месяца, ей давали понять, что он у своей второй семьи. Он гордился тем, что произвел на свет столько отпрысков, и не видел причин скрывать от нее других своих детей. На самом деле он представлял, как мы все в итоге поселим-

ся вместе под одной крышей, и, чтобы убедить Марсию, отмечал, что моя мама готовит фантастическое мясное рагу – наименее удачное кулинарное достижение Марсии, – но говорил, что соус для спагетти у Марсии получается намного лучше. Марсия вспоминает, что в ответ она съязвила: «Я не знала, что ты мормонский фундаменталист, Уолт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.